

НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ АВТОР

РАНДИАНА, ИЛИ ПОХОТИАДА

Часть сборника: Мемуары сластолюбца (сборник)

Неустановленный автор Рандиана, или Похотиада

издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166793

Мемуары сластолюбца: Продолжение Жизни; 2002

ISBN 5-94730-010-9

Аннотация

Эротика Викторианской эпохи Лучшие образцы эротических произведений Викторианской эпохи – анонимная`РАНДИАНА, ИЛИ ПОХОТИАДА`

Содержание

1. Первый опыт	4
2. Я узнаю, что такое «настоящая переделка»	10
3. Нравственные и дидактические размышления	16
4. Обед в узком кругу	22
5. Краткая история бичевания	30
6. Veni, vidi, vici!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

АНОНИМ РАНДИАНА, ИЛИ ПОХОТИАДА

1. Первый опыт

Возможно, те из моих читателей, кои предполагают найти на нижеследующих страницах веселенькую и привлекательную историйку, украшенную всевозможными свойственными художественной литературе пикантностями, какие только может изобразить талантливое перо, будут в высшей степени разочарованы. Я им советую сразу же отложить эту книгу в сторону. Я простой человек, не склонный ни к каким изыскам. Я рассказываю только о том, что было в действительности, а потому какими бы необыкновенными ни казались мои записки тем, у кого в жизни не было подобного опыта, хочу сразу заявить, что здесь приведены самые что ни на есть истинные факты, каковое признание, надеюсь, только усилит любопытство, с которым вы, несомненно, прочтете эту книгу.

Скоро минет пятьдесят лет с тех пор, как я родился в маленьком городке Н. милях в семи от берега моря, проведя годы учебы в классической школе, построенной в год осно-

вания города на добровольные пожертвования.

До шестнадцати лет я оставался полным невеждой в тех вопросах, которые бдительные родители с таким усердием скрывают от детей, да я бы и не думал тогда ни о чем таком, если бы не игривые манеры горничной Эммы, рослой, привлекательной девятнадцатилетней девицы. Вынужденная всю неделю, за исключением нескольких воскресных часов, проводить в доме, она не находила выхода для тех жгучих желаний, что одолевают холеную, полную сил молодую девушку в ее возрасте. А эти желания, как известно, становятся особенно настоятельными после месячных.

Я прекрасно помню, что случилось тем утром, когда матушка моя, как это было уже не раз, послала меня разбудить Эмму, которая в очередной раз проспала. Я прекрасно помню и ощущение – меня словно ударило током, – которое я испытал в тот момент, когда босиком в одной ночной рубашке я зашел в комнату девушки и застал ее за сменой бинтов, которые, как мне показалось, находились у нее в промежности.

– Господи, Эмма, что случилось? – спросил я. – Ты же истекаешь кровью. – И, желая помочь ей, я потрогал тряпицу в том месте, где она вся набухла от крови.

К стыду своему, сделал я это так поспешно и неловко, что палец мой, миновав тряпицу, проскользнул внутрь. Замешательство мое было столь велико, что, если бы не смех Эммы, я бы бросился вниз и переполошил весь дом.

– Не будьте таким глупеньким, мистер Джимми, – сказала Эмма, – а лучше приходите-ка ко мне вечером, когда ваши родители улягутся спать. Я вам тогда покажу, что это такое. Я вижу, вы уже готовы выучить этот урок, – с усмешкой добавила она, видя, что мои естественные инстинкты возобладали над приступом страха, а рубашка торчала так, словно под ней была здоровенная трость.

Раньше в школе надо мной нередко посмеивались из-за размеров моего пениса, который был неестественно велик для мальчика моих лет, но потом я узнал, что это у меня наследственное и что мои младшие братья тоже могут похвастаться инструментами огромных размеров.

Я неохотно повернулся, чтобы выйти из комнаты, но так и не смог понять свои чувства – они в тот момент были какими-то смятенными и необычными.

Мне бросился в глаза маленький кустик волос в нижней части живота Эммы, и этот кустик чрезвычайно взволновал меня.

В порыве, который я не смог осознать тогда, но вполне могу объяснить теперь, я бросился в объятия Эммы и поцеловал ее со всей страстью. Ладони мои ухватили два молочного-белых полушария, которые выступали под ее сорочкой. И тут я услышал голос матери:

– Джеймс, что ты там делаешь?

– Ничего, мама. Я только разбудил Эмму, – ответил я и поспешил вниз. Голова у меня горела, я с нетерпением ждал

вечера, который, как мне казалось, разрешит для меня эту тайну.

В школе этот день был для меня наполнен фантазиями, а время тянулось медленно. Автоматически я отсидел занятия, но внешне выглядел потрясенным и погруженным в себя. Я и в самом деле не замечал ничего вокруг и даже не видел, что на меня обращают внимание.

Один из парней, Томпсон, самый тупой в классе – ему уже почти исполнилось семнадцать – подошел ко мне после занятий и спросил, что со мной случилось.

Я вдруг решил спросить обо всем у Томпсона – ведь он был старше, и, возможно, ему это было известно.

– Слушай, – спросил я, – ты знаешь, в чем разница между парнем и девушкой?

Томпсон не мог этого вынести – от смеха его просто всего затрясло.

– Бог мой, Сминтон, – сказал он (при этом он ужасно ругался), – что за вопрос! Впрочем, я забыл – у тебя ведь одна сестра, да и та носит длинную юбку.

– Ну и какое это имеет отношение к моему вопросу? – спросил я.

– Самое прямое, – сказал Томпсон. – Если бы ты рос с девочками, то знал бы, что находится у них между ног, и был бы не глупее других ребят. Вот смотри, – сказал он, неожиданно останавливаясь и доставая грифельный карандаш. – Это ты видишь? – Он очень похоже изобразил на грифель-

ной доске мужской член. – Тебе известно, что это такое?

– Конечно, известно, – сказал я. – Такая штука у меня есть!

– Надеюсь, – ответил Томпсон с такой живостью, какой я до этого в нем и не подозревал. – А теперь посмотри сюда. – И он нарисовал нечто, в тот момент показавшееся мне какой-то щелкой. – А *это* что такое, ты знаешь?

После моего утреннего приключения кое-какие соображения на этот счет у меня были, но я изобразил полное неведение, чтобы выудить из Томпсона побольше сведений.

– Эх ты, простачок, это женская лохматка, – сказал мой однокашник, – и если тебе доведется оказаться поблизости от такой штучки, хватай ее, мой мальчик, и суй туда то, чем тебя наградил Господь, – сказав это, Томпсон оставил меня одного.

Читатель может не сомневаться в том, что хотя мне и пришлось лечь спать относительно рано, я не смыкал глаз, дожидаясь, когда мои отец и мать улягутся в своей комнате.

У моей матери был пунктик – вечером она должна была зайти ко мне в комнату, чтобы убедиться, что я не сбросил с себя одеяло, поскольку спал я беспокойно. В тот вечер я с нетерпением ждал ее вечернего визита.

Тщательно подоткнув под меня одеяло, она вышла из комнаты, а я наблюдал за нею с бьющимся сердцем и слышал, как она, закрывая дверь, сказала отцу:

– Сегодня он укрыт. А вчера – ну и вид у него был: одеяло

сброшено, и член стоит, ну точь-в-точь как у тебя, но такой огромный. Не могу понять, откуда у моих мальчиков такие болтики. Ты рядом с ними просто пигмей, мой дорогой, но я уверена, что у моих братьев... – остального я не услышал, потому что дверь закрылась.

И тогда я решил, что время пришло, тихонько вылез из-под одеяла, вышел из комнаты и направился к лестнице, которая должна была привести меня в рай.

Сколько раз с того дня я уподоблял в мыслях своих эту счастливую лестницу с той, что привиделась библейскому Иакову. Я всегда считал это видение аллегорией: ангелы Иакова, вероятно, носили юбочки или что-то подобное в восточном стиле, и патриарх, несомненно, увлажнил песочек святого места, думая обо всем этом во сне.

2. Я узнаю, что такое «настоящая переделка»

Я бесшумно добрался до комнаты Эммы и нашел ее в постели. Однако свеча еще не была потушена.

– Иди ко мне, мой дорогой, – сказала она, сбрасывая с себя одеяло. Я впервые в жизни видел совершенно голую женщину. Она намеренно заранее сняла с себя сорочку и вытянулась на постели – даже боги соблазнились бы этим видением.

С тех пор я, хотя и преуспел в сладострастии, ни разу больше не видел кожи, столь напоминающей спелый персик, а лишь такая кожа может быть признана самой прекрасной.

Ее округлые груди были словно высечены искусным скульптором, но не они притягивали мой взор, который устремлялся ниже, к тому месту, которое являло для меня требующую разрешения загадку. Я спросил:

– Можно я посмотрю?

Она рассмеялась и, ни слова не говоря, раздвинула ноги.

Я тщательно обследовал то, что там было, но и после этого вопросов у меня не убавилось.

Менструация у нее закончилась, и она тщательно подмылась.

– Вставь туда пальчик, – сказала Эмма. – Она тебя не уку-

сит. Ах, мистер Джимми, неужели ты никогда не видел этого прежде?

Я сказал, что не видел.

– Тогда мне сегодня предстоит лишить тебя невинности, – запустив руку мне под рубашку, она ухватила за мой член таким ловким движением, что я удивился. И хотя член у меня стоял и, казалось, готов был лопнуть от напряжения, она начала орудовать с ним большим и указательным пальцами, и я через несколько мгновений почувствовал, что схожу с ума.

– Бога ради, – пробормотал я, – не делай этого! Я сейчас умру.

– Нет-нет, еще рано, – сказала она и, приподняв меня (а она была девица необыкновенной силы), усадила на себя. – Сначала я должна облегчить свою боль. И твою.

Эмма называла страсть болью, и у меня после той ночи было много случаев убедиться в том, что она настоящий философ. Я тщательно анализировал то чувство, которое предшествует моменту сладострастия, и считаю, что «боль» – единственное слово, которое точно передает это ощущение.

Поначалу я сопротивлялся, потому что в своей невинности даже не догадывался, что может означать ее быстрое движение. Но скоро мои сомнения рассеялись.

Держа мой член левой рукой и осторожно сдвигая назад крайнюю плоть – теперь-то она ходит легко – Эмма не без потворства с моей стороны приблизила мой орган к губам

своего отверстия, и после резкого движения, которое я впоследствии расценил почти как профессиональное, я до упора погрузился в ощущение полного блаженства.

Я обнаружил, что инстинктивно совершаю ритмичные поступательные движения, но с таким же успехом мог бы ничего и не делать, потому что все взяла на себя Эмма.

Скоро движение ее бедер и рук, которыми она крепко держала мои налитые молодые ягодицы, привело к желаемому результату, и я в экстазе чуть не потерял сознание.

Поначалу мне показалось, что из меня струей вытекло много крови, и я прошептал Эмме, что ее простыни будут все красные и мама обо всем узнает, но она рассеяла мои опасения.

– Какой у тебя член, мистер Джеймс! Просто огромный для молодого человека. Слушай, он даже больше, чем у твоего отца.

– А ты откуда знаешь про отца? – спросил я в крайнем удивлении.

– Ну, мой дорогой, это же очевидно, – сказала она. – А теперь, когда ты узнал, что такое женщина, что ты об этом думаешь?

– Я думаю, это просто великолепно, – был мой ответ.

И в самом деле, хотя долгие годы самых разнообразных впечатлений, возможно, и поубавили неукротимый пыл юности, а совокупление почти перестало быть тем безумным сладострастием, каким было раньше, мне трудно найти ответ

лучше того, который я дал тогда Эмме.

Еще дважды я храбро бросался на штурм крепости под названием Эмма, и каждый раз моя возлюбленная выражала удивление по поводу того, что я, почти ребенок, исполнен такой решимости.

Внезапно я услышал какой-то шум на лестнице и, подумав, что это идет моя мать, поспешно нырнул под кровать. Свеча продолжала гореть.

– Ты не спишь, Эмма? – прошептал низкий мужской голос. Я сразу признал в нем голос отца.

– Господи, сэр, – ответила она, – надеюсь, хозяйка не слышала, что вы поднялись сюда. Мне казалось, вы собирались прийти завтра.

– Собирался, – ответил мой отец, – но, сказать тебе правду, не смог дожждаться. Я капнул настойки опия в стакан с грогом, что твоя хозяйка пьет перед сном. Так что мы в безопасности.

И этот человек называл себя моим отцом?! Нужно ли мне говорить, что я тут же потерял всякое уважение к нему.

Больше не было сказано ни слова, но, глядя из своего убежища, я по тени на стене видел, что мой отец готовится к немедленным действиям. Делал он это, однако, совсем не так, как я.

Он настоял на том, чтобы она взяла его пенис в рот. Поначалу она отказывалась, но после недолгих уговоров и обещания отпустить ее на ярмарку, которая должна была состо-

яться в следующую пятницу, она сдалась. Я видел, как изви-
вается на стене тень моего отца, как его зад выписывает ка-
кие-то странные, казавшиеся мне неестественными движе-
ния. Эта сцена даже сегодня, по прошествии стольких лет,
вызывает у меня улыбку.

Внезапно старик выкрикнул:

– Все, Эмма, хватит! Давай-ка теперь я его засуну.

Но Эмма была не так глупа. Она прекрасно знала, что ее
промежность буквально наводнена излитыми нами обильны-
ми соками, и понимала, что мой папаша, человек достаточно
опытный, сразу смекнет, в чем дело, а потому вцепилась в
его инструмент зубами и не отпускала. Однако мой папаша,
превозмогая боль и страсть, наконец высвободился. Пред-
ставьте же его разочарование, когда он увидел, что растратил
все накопленное добро прежде, чем успел проникнуть в
гнездилище блаженства!

Услышав его ругательства, я затаил дыхание.

– Глупая сучка, – сказал он. – Неужели ты не видела, что
долго я не смогу продержаться, – продолжая сыпать прокля-
тия, он встал с кровати, чтобы помочиться.

К несчастью, ночная ваза стояла рядом с моей головой,
а Эмма была в таком изнеможении после четырехкратного
совокупления, что на какое-то время забыла обо мне.

Восклицание моего отца, который, наклонившись, чтобы
достать вазу, увидел под кроватью своего старшего сына,
вернуло ее к жизни.

Пожалуй, я опущу описание последовавшей сцены. Достаточно будет сказать, что утром Эмма получила жалование за месяц вперед, а меня отправили в школу-интернат.

Мать моя на самом деле спала не так глубоко, как само-надеянно полагал отец. Может быть, настойка опия была не очень крепкой, а может быть, ее чутье было сверхъестественно обострено – мне это установить не удалось. Зато мне известно, что, прежде чем мой отец в ту памятную ночь выволок меня из-под кровати Эммы, он был награжден сзади отменным ударом маленькой кочерги. Такой удар отправил бы в могилу любого, не наделенного столь выдающимся сложением, как мой отец.

3. Нравственные и дидактические размышления

Рассказав в двух предыдущих главах о моем первом любовном опыте, я полагаю, что он ничуть не уступает опыту тех из вас, кто добился в жизни большего, чем я. Но я не собираюсь более утомлять вас дальнейшими рассказами о моих ранних успехах на поприще любовных утех.

Я пропускаю период моей юности и первого возмужания, предоставляя вам возможность самим поразмышлять над тем, как я воспользовался уроком, который мне совместно преподали Эмма и мой отец. И тем не менее в возрасте тридцати лет я лишь стоял на пороге разрешения загадок, значительно более занимательных. До этого времени я просто жил в свое удовольствие, а мое состояние (мой батюшка разбогател и, сходя в могилу, оставил мне наследство) вполне позволяло мне получать от жизни те маленькие радости, без которых она кажется пустой и бедной. Но далее обычных постельных удовольствий дело обычно не заходило.

«Однако приближался миг, когда все эти удовольствия стали казаться детскими забавами перед настоящими чувственными наслаждениями, кои те, кто им привержен, получают от здоровой и надлежащим образом осуществленной порки». Это цитата взята мною у одного достаточно широко

известного автора, хотя, признаюсь, не могу сказать, чтобы я был согласен с ним как в теории, так и на практике.

Однажды летним вечером я вышел из кафе «Ройяль» на Риджент-стрит. В этот момент мой старинный приятель Девон, с которым мы вместе проводили время, кивнул какому-то джентльмену, сидевшему в проезжавшем мимо двухколесном экипаже. Тот в сей же миг остановил экипаж и соскочил на тротуар.

– Кто это? – спросил я, почувствовав внезапный и необъяснимый интерес к его огромным лучистым глазам, каких мне еще не доводилось видеть ни у одного человеческого существа.

– Это отец Питер из собора святой Марты. Он специалист по сечению розгой. Один из лучших в Лондоне.

В этот момент священник подошел к нам и последовало официальное представление.

Я не раз видел замечательные фотографии отца Питера (или монсеньора Питера, как он просил его называть) в витринах фотоателье и мысленно обозвал себя олухом за то, что не узнал его сразу.

Сам я не особый мастер описывать внешность, хотя и все прочие описания из тех, что мне доводилось читать, на мой взгляд, достаточно скучны; тем не менее, имея я как романист побольше опыта и будь я всем сердцем предан своему искусству, мне бы, пожалуй, удалось пробудить интерес к монсеньору Питеру даже у представителей сильного пола.

Однако, несмотря на то что ниже я попытаюсь дать достоверное его описание, я заранее покорнейше прошу у него извинения, если он когда-нибудь вдруг откроет эти страницы и сочтет, что его портрет слишком бледен. Ибо, хочу заверить своих читателей, отец Питер – это не какой-то там вымышленный Аполлон, а вполне реальный человек, который сейчас, в лето от рождества Господа нашего 1883, живет, движется и существует, то есть, хочу я сказать, ходит, пьет, занимается любовью и сечет розгами с теми же пылом и энергией, которые были ему свойственны в день нашей первой встречи двадцать пять лет назад.

При росте чуть выше среднего и примерно моего возраста, может быть, на год-два старше, с тонкими чертами лица и изящным профилем, отец Питер являл собой образчик исключительно красивого мужчины. Возможно, излишне взыскательный человек, приверженный канонам совершенства, сказал бы, что линия рта у него чересчур чувственна, а щеки слишком округлы, но женщины, думаю, были бы на этот счет иного мнения, поскольку большие задумчивые восточного типа глаза, которые могли бы поспорить с глазами байроновского Гейзелла, искупали прочие его недостатки.

Тонзура на его поистине классической по форме голове не слишком бросалась в глаза, а волосы вокруг были уложены густыми, хорошо подстриженными рядами. Когда легкий ветерок откинул полу его длинного священнического облачения, я обратил внимание на довольно приличный бугорок,

который, вопреки всем стараниям портного упрятать его и к явному восхищению двух дам, оказавшихся поблизости, гордо выпирал из-под материи брюк в том месте, где сходились ноги. Дамы, коим зефир открыл сие соблазнительное зрелище, делали вид, будто разглядывают что-то в витрине магазина, у которого мы стояли, а в действительности глаз не могли оторвать от указанного места.

– Рад с вами познакомиться, мистер Сминтон, – сказал отец Питер, сердечно пожимая мне руку. – Любой друг мистера Дево – это и мой друг. Позвольте узнать, вы сегодня уже пообедали?

Мы ответили отрицательно.

– Тогда, если у вас на примете нет ничего лучшего, я буду рад, если вы составите мне компанию и мы отправимся все вместе ко мне домой. Я обедаю в семь, но сегодня припозднился и буквально умираю с голоду. Я как раз направлялся в Кенсингтон, где и находится моя скромная обитель, но, увидев Дево, не мог не остановиться. Так что скажете?

– С превеликой радостью, – ответил Дево.

Я знал, что мой приятель – большой гурман и никогда не отказывал себе в удовольствии хорошо покушать, а поскольку, как я предполагал, он, принимая приглашение монсеньора, был вполне осведомлен о его средствах и возможностях, то я тоже дал согласие.

Найти четырехколесный экипаж и добраться до дома отца Питера – изящного строения, стоявшего несколько уединен-

но в южной оконечности Кенсингтонского парка, – заняло у нас не более двадцати минут.

По дороге я обнаружил, что у отца Питера помимо достоинств, о которых я уже говорил, есть и еще одно, и оно, несомненно, делало его (как я предполагал тогда и как знаю теперь) поистине неотразимым для дам: я не встречал еще человека, который умел бы так великолепно говорить, с изумительной легкостью облекая свои мысли в слова и подбирая самые удачные и изысканные фразы. Не говоря уже об интонациях его голоса, богатых музыкальными оттенками, и тех веселости и живости, с которыми он выдумывал и предлагал множество самых разных развлечений, избегая при этом малейших слов или намеков, могущих скомпрометировать его в глазах высокочтимой церкви как одного из самых уважаемых ее членов.

За редчайшими исключениями, фразу, сказанную монсеньором, мог бы без стыда и смущения повторить любой из гостей, находящихся в гостиной, и тем не менее его слушателями владела какая-то инстинктивная жажда слушать одного монсеньора, словно в его словах скрывалось нечто гораздо большее, нежели он имел в виду, хотя что именно – вряд ли бы кто из них смог точно выразить.

Отец Питер, когда его спрашивали об этой щекочущей нервы способности, обычно отвечал:

– Разве я отвечаю за то, что возникает в воображении других людей?

Но отец Питер был выдающимся софистом, а умный оппонент мог бы доказать, что как раз его недоговоренности и создают в воображении людей сомнительные образы.

Додэ, Бело и другие представители французской литературной школы в свое время подвергли тщательному исследованию подобные нюансы, отличающие скабрёзную фразу от тонкого намека. Монсеньор читал эти произведения и с успехом пользовался прочитанным.

– Мой повар, – сказал монсеньор, когда мы вошли во дворик его жилища, – тиран похуже Нерона. Я опоздал всего лишь на пять минут, но не осмеливаюсь просить его о снисхождении. Слава богу, что вы оба одеты соответствующим образом. Не будь вас, он учинил бы мне скандал... А что, правду говорят, будто Флорина в последнее время забывает надевать штанишки?

Мы не знали, кто такая Флорина, да и слышали о ней впервые, в чем и заверили монсеньора. Тот заявил в ответ, что немало удивлен этому и удалился, чтобы переодеться.

4. Обед в узком кругу

Через несколько минут монсеньор вновь присоединился к нам и, пригласив следовать за собой, провел нас в роскошно убранную гостиную, одну из самых великолепных, в каких мне доводилось бывать. За столом было восемь мест, и четыре из них были заняты. Повар, не дождавшись хозяина, уже начал разливать суп, а пухленький розовощекий мальчик лет шестнадцати разносил тарелки. Этот мальчик, как я узнал позже, выполнял две обязанности – прислуживал монсеньору и пел в хоре собора святой Марты. Я уж не говорю о третьем его занятии, каковое, не вдаваясь в подробности, можно охарактеризовать одним словом – содомия.

Меня представили, и Дево, знавший всех присутствующих, тут же плюхнулся на стул. Я последовал его примеру и только после этого как следует рассмотрел своих соседей.

Слева от меня сидел человек, казавшийся полным двойником монсеньора, разве что был значительно старше. Имя его, упомянутое вскользь, было, если не ошибаюсь, отец Бонифаций. Хотя он казался более худощавым, чем отец Питер, это отнюдь не свидетельствовало о том, что чревоугодие было ему чуждо. Он не пропустил ни одного блюда, а если какое-либо из них особенно угождало его гастрономическим вкусам, он просил одну, а то и две добавки.

Рядом с ним сидел маленький краснолицый человечек, по

профессии врач, а по призванию истый эпикуреец.

Следующее место занимала грациозная девушка лет шестнадцати. Ее густые светлые волосы, скорее соломенно-го, нежели золотистого цвета, были распущены по плечам и покрывали часть спины, а черные ресницы придавали ее фиалковым глазам тот оттенок, который не воспроизвел бы и сам Жан Грез – лучший из художников по части женских глаз. Все в ней было очаровательным – и строгое изящество платья, и девственная его белизна, и женственные манеры, но более всего скромность, с какой она отвечала на вопросы.

Я невольно подумал, что если когда-нибудь под небесами и жила шестнадцатилетняя леди-совершенство, то ею была именно та, что сидела сейчас за этим столом. Я чуть было не высказал эту мысль вслух, но, к счастью, был спасен от этой ужасной промашки слугой, который, поставив передо мной аппетитную лососину и приправу из омаров, вывел меня из этого мечтательного состояния.

Рядом с этой божественной молодой особой сидел монсеньор П., который в промежутке между сменой блюд запускал свои мягкие белые руки в роскошные волосы своей соседки, нежно их поглаживая.

Должен признаться, что мне это не понравилось, я начал испытывать уколы ревности, и утешало меня лишь то, что это ласковые руки принадлежали священнику римской католической Церкви.

На меня быстро накатывала игривая волна; я ел лососину,

а запах соуса из омаров навевал мне совсем другие мысли, пока, к стыду своему, я вдруг не обнаружил, что покрывавшая мои колени скатерть как-то странно вздыбилась. Мне не оставалось ничего иного, как уронить салфетку и, поднимая ее, привести в порядок свою восставшую плоть так, чтобы присутствующие ничего не заметили.

Я забыл упомянуть еще об одной гостье – обаятельной дамочке, сидевшей между моим другом Дево и отцом Питером. Она была в более зрелых годах, чем блондинка: судя по ее наружности (насколько вообще можно было судить о ней в бледном пламени светильника, заливавшего помещение сладострастным мерцанием чистого фильтрованного газа), ей было лет двадцать семь. Она являла собой странный контраст Люси (именно так звали шестнадцатилетнюю особу) – высокая, с бледноватой (что обычно не характерно для брюнеток) кожей; зато ее красиво очерченная грудь была исполнена той спелости, которая – я бы не хотел показаться вульгарным – очаровывает, не вызывая раздражения. Короче говоря, Мадлен была из той породы женщин, к которым невозможно не испытывать влечения.

Я объездил всю Европу в поисках обольстительных прелестниц, и, смею вас уверить, от моего внимания не ускользнула ни одна юбка (независимо от размеров вместилища, которое природа обычно располагает между женских ног) на всем протяжении между Константинополем и Калькуттой; однако, когда я увидел влажные чувственные глаза Мадлен,

я выругался про себя, обозвав себя полным идиотом. Еще бы! Зачем было ездить по миру, когда здесь, в Кенсингтоне, прямо у меня под носом пребывал прекрасный идеал, который я столь тщетно искал повсюду?! В разговоре она была сама живость, и я испытал к Деву самую горячую благодарность за то, что он ввел меня в этот круг.

В этот момент подали бараньи котлеты с огурчиками, и это прервало мои грезы, о чем я нисколько не пожалел, поскольку ход мыслей довел брэнную мою плоть до такого неистовства, что это уже стоило мне пуговицы на штанах, и по прошлому опыту я знал, что если я тут же не направлю мысли в другом направлении, то за первой пуговицей последуют и все остальные. Поэтому я уделил все свое внимание еде и старался по возможности не смотреть в сторону двух прекрасных представительниц слабого пола.

– Мне только что пришло в голову, – сказал доктор, суетясь несколько больше, чем того требовала обстановка, – что идеальные формы огурца вполне позволяют использовать его как декоративное растение.

– Да, – сказал отец Питер, бросив невинный взгляд на Мадлен, – но это не главное. Главное в том, чтобы не злоупотреблять этим опасным плодом. Огурцы, съеденные в большом количестве, разогревают кровь, сэр. А уж нам, смиренным служителям церкви, которым приходится постоянно подавлять непристойные позывы плоти, следует вообще исключить их из своего рациона. Тем не менее я охотно съем

еще порцию, – и, подтверждая слова делом, отец Питер положил себе в тарелку огурцов.

Должен сказать, что Люси сидела прямо напротив меня, и, видя, как она хихикает, слушая столь парадоксальные рассуждения достойного отца, с аппетитом поедавшего, вопреки собственным словам, очередную порцию, я подумал, что мне предоставляется благоприятная возможность выказать мое одобрительное отношение к ее веселому нраву. Посему, вытянув ногу, я мягко коснулся ее носка; к моей невыразимой радости, она не отдернула ногу, а, напротив, чуть сдвинула ее мне навстречу.

Тогда, сделав вид, будто усаживаюсь поудобней, я придвинул стул поближе к столу и испытал истинное блаженство, когда увидел, что Люси не только разгадала мой маневр, но и сама по-кошачьи ловко тоже придвинула свой стул поближе.

Разместившись на самой кромке стула так, чтобы это по возможности оставалось незамеченным, я вытянул ногу вперед, сбросил туфлю – и не прошло и минуты, как я уже пробрался в то место, где чувствовался жар, исходящий от вагины. Член мой в этот момент был покрыт только салфеткой, ибо одним бешеным рывком он сорвал все оставшиеся пуговицы, выпростался наружу, и теперь ему ничто не препятствовало.

Должен отдать Люси должное: она всячески старалась помочь мне, но ее штанишки (будь они трижды прокляты!) встали непреодолимым препятствием на моем пути, и мне ни-

чего не оставалось, как признать свое поражение. Действительно, еще немного, и я бы неизбежно наткнулся на них, и что потом? Это соображение, а также то обстоятельство, что Люси от возбуждения то краснела, то бледнела и вот-вот готова была потерять контроль над собой, заставило меня приостановить мои попытки.

Я уже предвкушал плоды своей победы – ради этого стоило немного подождать! – и при одной мысли об очаровательном маленьком гнездышке, спрятанном между этих трепещущих бедер, кровь моя струилась по жилам все быстрее и быстрее; что до Люси, то по тому, как она вся дрожала, легко было догадаться, что выдержка дается ей с большим трудом, а необходимость всячески сдерживать себя в присутствии окружающих и вовсе не доставляет ей радости. У меня были все основания думать подобным образом, ибо носок мой сильно увлажнился, что, чувствовал я, было вызвано не только путем, поэтому мне стало даже немного жаль эту девушку из-за того, что я так раздражил ее.

В это время подали ветчину и жареную дичь, чему я был немало удивлен, ибо считал, что бедный католической священник такого себе позволить не может. Белое французское вино, поданное к лососине, было выше всяких похвал, а шампанское, прозрачное и искристое, сопровождавшее последние блюда, подействовало на меня более чем возбуждающе.

Кстати, поскольку этот обед в узком кругу может пред-

ставлять особый интерес для людей неискушенных, я упомяну об еще одном странном обстоятельстве, объясняющим многое из того, что произошло потом.

Когда шампанское первый раз было разлито по бокалам и еще никто не успел пригубить его, отец Питер подошел к небольшому буфету, извлек оттуда бутылку необычной формы с какой-то жидкостью и добавил из нее несколько капель в каждый бокал.

– Это бальзам Пинеро, – сказал он мне. – Вы и одна из дам обедаете у меня впервые, поэтому вам еще не довелось попробовать этого напитка, так как он почти не известен в Англии. Его производит одна итальянская компания, и его рецепт изобрели предки ее нынешних владельцев. Свойства этого напитка поистине великолепны и многообразны. Но главное в том, что он возвращает молодость, и те из нас, кто немало попутешествовал по миру, кто исколесил его вдоль и поперек и с годами устал от всех и всяческих передвижений, несомненно, восздадут должное восстанавливающим свойствам этого напитка.

Священник, которому не откажешь в известном лукавстве, модуляциями своего голоса совершенно недвусмысленно давал понять, на что именно он намекал своей тирадой, и хотя напиток, смешанный с шампанским, не имел никакого вкуса, его воздействие на всех вскоре стало заметным.

Под занавес этого пиршества подали жареных утят, а затем их сменили пудинг Нессельроде и конфитюр Нуайе. По-

сле короткой молитвы на латыни, одной из самых немногословных, какие мне только доводилось слышать, дамы удалились наверх, в гостиную, откуда вскоре раздались звуки рояля; мы же тем временем поднялись, чтобы дать слугам возможность убрать со стола.

Главной моей заботой в тот момент были брюки; к счастью, мне удалось искусно спрятать свидетельства моей страсти с помощью носового платка, а снятую туфлю я удачно объяснил застарелой мозолью.

5. Краткая история бичевания

– Джентльмены, – сказал монсеньор, закуривая ароматную сигарету (ведь все священники, которым постоянно приходится использовать кадило, любят запахи ароматных благовоний), – прежде всего позвольте мне выразить надежду, что обед вам всем понравился. А теперь, Дево, я полагаю, ваш друг не будет шокирован, если мы посвятим его в таинства, которыми мы скрашиваем немногие часы досуга, остающиеся после праведных дел на благо церкви. Не правда ли, Бонифаций?

Бонифаций, который был не столь искусен в тонком деле ведения светской беседы, как отец Питер, громко расхохотался.

– Я полагаю, монсеньор, что мистер Сминтон знает о бичевании не меньше нас.

– Позвольте вас уверить, что я об этом не знаю абсолютно ничего, – сказал я, – хотя, на мой взгляд, неведение еще не есть преступление.

– Ну что ж, сэр, – сказал монсеньор, откинувшись на спинку стула, – что касается искусства бичевания, то об этом предмете, говорю это не без гордости, я могу рассуждать с компетентностью, равной которой нет в Европе. Можете не сомневаться: отнюдь не самомнение побуждает меня утверждать, что в последние десять лет я, получая неплохое вспо-

моществование от Святой Консистории в Риме, провел самое тщательное исследование этого вопроса. В этом письменном столе, – продолжал он, указывая на стол перед собой, – находятся шестнадцать фолиантов, содержащих результаты кропотливой работы, в которой мне помогали братья всех святых орденов нашей матери-церкви. Хочу также мимоходом заметить, что присутствующие здесь почтенный доктор Прайс и отец Бонифаций внесли в это дело свой вклад, основанный на собственном богатом опыте. Они откорректировали и сделали аннотации ко многим главам, посвященным новейшим открытиям. Ведь бичевание, мистер Сминтон, будучи искусством, не только каждый день привлекает новых учеников и приверженцев, но и совершенствуется – не проходит и месяца, чтобы наш уже и без того обширный архив не пополнялся новыми сведениями.

Я закурил сигару и сказал, что с удовольствием вникну в суть дела.

– Для начала, – начал отец Питер, – хочу сказать, что у нас есть неоспоримое доказательство – в виде надписей, высеченных на Канаанитских камнях в долине Шинар, обнаруженных профессором Бэннистером, – что еще три тысячи лет назад жрецы Ваала не только практиковали бичевание конопляными розгами в самой примитивной его форме, но и насаждали это искусство среди тех, кто посещал храм их божества. Именно бичевание и есть то самое нечистое таинство, о котором говорят Моисей и Иисус Навин, хотя, как это

ни прискорбно, для него в то время не нашлось подходящего слова в еврейском языке.

– Вы меня удивляете, – сказал я. – Какие у вас есть доказательства этого?

– Очень простые: то была эпоха иероглифического письма, и на шинарском камне была обнаружена очень умело выгравированная фигура бога Ваала, с восхищением наблюдающего за молодой девушкой, чья девственная нагота подвергается насилию со стороны упитанных жрецов, бичующих ее. У меня есть копия этого изображения на странице триста сорок три седьмого тома. Дайте его мистеру Сминтону, Бонифаций.

Бонифаций подал мне названный том, и я действительно нашел там копию древнего изображения, на котором молоденькая девушка с привлекательной круглой попкой и руками, привязанными к огромному члену бога Ваала, подвергалась бичеванию двумя здоровенными мужчинами в жреческом облачении.

– Тот факт, что израильтяне и потомки колена Иудова постоянно отрекались от своего божества, поскольку их привлекали соблазны, предлагаемые жрецами Ваала, служит еще одним доказательством того, что бичевание даже в те дни привлекало гораздо сильнее, чем такой нечестивый ритуал, как содомия.

– Ваши выводы интересны как чисто историческое наблюдение, – сказал я, – но не более того.

– Я думаю, что мог бы заинтересовать вас, рассмотрев этот факт в несколько ином аспекте, – сказал доктор Прайс, – но пока воздержусь от этого.

Монсеньор продолжал:

– Все расы в той или иной степени отдали дань этому искусству, ибо известно, насколько нам позволяют судить об этом книги древних ариев, что как в Вавилоне, так и в Ниневии, а в более поздние времена и в Индии (а это уже больше, чем просто совпадение), бичевание не только процветало, но и было весьма модным времяпрепровождением в различных кругах общества, что говорит об его распространенности во все исторические времена.

– Я и в самом деле не могу понять, – прервал его я, – откуда вы черпаете эти сведения.

– Что касается Ниневии, то я вас просто приглашаю заглянуть в ассирийский зал Британского музея, где вы увидите нескольких монархов этого необъятного царства, восседающих на тронах и с огромным интересом наблюдающих за действием, происходящим перед ними. На переднем плане вы увидите человека с плеткой, очень напоминающей используемые у нас, собирающегося высечь кого-то... Кого, мы не знаем, ибо в этом месте камень обломан. Иными словами, в том месте, где должна по идее быть нагая ассирийская мамзель, нет ничего. Конечно, эта часть была специально отколота по приказу одного из правителей: видимо, он посчитал, что эта сцена может оказать плохое влияние на отпрысков,

которые захотят испробовать это на собственных задницах, а закончат тем, что прежде времени затрахают себя до смерти.

– Ну и ну, – сказал я с нескрываемым удивлением, – ваше исследование достойно всяческих похвал, но, признаюсь, подобное просто не укладывается в моей голове.

– Полагаю, нам следует немедленно перейти к делу и преподать вам наглядный урок, – рассмеялся доктор Прайс.

– В этих шестнадцати томах собраны тысячи примеров из жизни самых разных племен – от австралийских аборигенов и коренного населения Новой Зеландии до эскимосов, живущих в ледяных домах, – продолжал монсеньор. – Последние постигли это искусство благодаря природному чутью: бичевание в таких холодных краях – прекрасное средство согреться. В самом деле, в лекции, прочитанной перед членами Географического общества, мистер Уимуам доказал, что сексуальная холодность женщин Гренландии во многом препятствовала зачатию, и потому перед половым актом мужчины неизменно прибегали к бичеванию. И не просто к бичеванию, а к весьма интенсивному. Да и старая латынь, на которой написаны книги святых отцов, тоже изобилует многочисленными ссылками и намеками, подтверждающими подобные примеры, и, несмотря на то что Климент Александрийский приводит некоторые удивительные теории, а Лактанций и Тертуллиан в известной мере поддерживают его, я все же думаю, что, насколько это касается практической стороны вопроса, мы ушли далеко вперед от наших предков.

– Но, – мягко вставил доктор Прайс, – Аброз и Джером знали кое в чем толк.

– Они учились, – ответил уверенный в себе отец Питер, – но у них не было нашего уровня культуры. Например, вервь для их розог выращивали в горах Иллирии и Штирии и в той части Австрии, которую мы сейчас называем Тироль. Канада с ее великолепными березами в те времена была еще неизвестна. Скажите-ка мне, сэр, – монсеньор повернулся ко мне, и глаза его загорелись огнем воодушевления, – знаете ли вы, что розги из королевской березы из Манитобы, если ими пройти как следует по девичьей спине, за пять минут доставят вам больше наслаждения, чем все прочие ухищрения наших предков, пусть даже мы со всем усердием будем применять их в течение получаса? У меня пальцы прямо-таки начинают чесаться, когда я думаю об этом. Бонифаций, покажите ему наш последний образчик.

Преподобный отец тут же ринулся исполнять поручение.

Говоря по правде, все это мне не особо нравилось, и я бы предпочел пойти к дамам в гостиную. К счастью, уже в следующее мгновение мне предоставилась такая возможность. Хорошенькая брюнетка, Мадлен, заглянула в дверь и, извинившись, напомнила монсеньору, что он опаздывает к вечеру.

– Милочка, – сказал священник, – бегите в ризницу и попросите брата Майкла начинать без меня, объясните это обычной мигренью – только не оставайтесь там долго, как

вы это делаете обычно. Если вы вернетесь с растрепанными волосами и помятым платьем, то уж извольте сочинить историю получше, чем в прошлый раз.

«Пожалуй, мне тоже не мешало бы что-нибудь придумать», – решил я, ибо в этот самый момент отец Бонифаций вернулся и попросил монсеньора дать ему другой ключ, чтобы достать розги, поскольку первый не подходил.

Теперь самое время, решил я и стал нарочито громко спрашивать, где находится туалет. Мне рассказали, как найти нужное место, и я поспешно покинул комнату, обещая вернуться через несколько минут.

Не могу не сказать о том, что с того момента, как я выпил настойку, подмешанную в шампанское, мое возбуждение резко усилилось, и я не мог это объяснить одними естественными причинами.

Конечно, я не буду настаивать на том, что утяжеление и отвердение моего члена объяснялось единственно бальзамом Пинеро, но берусь утверждать, что никогда до этого я не испытывал такого желания. Возможно, на меня подействовало щедрое угощение, а возможно, это было следствием той игры под столом, которую я затеял. Поэтому когда я вышел в ярко освещенный холл и поспешно проследовал наверх в роскошную гостиную, я не мог не поздравить себя с этим, так как мой член торчал, как кол, чего уже не могли скрыть даже брюки, которые так не вовремя подвели меня.

6. Veni, vidi, vici!

Опасаясь, что если я войду в комнату дезабилье, то напугаю Люси, и будучи уверен в том, что неприкрытая плоть может шокировать невинный взор, я как мог постарался скрыть ее за материей брюк, после чего заглянул в щелочку двери, оставленной приоткрытой.

Люси сидела, откинувшись на софе, в том состоянии ленивого полузабытья, которое свидетельствует о том, что обед пошел ей впрок и что пищеварение обслуживает аппетит, как усердная и послушная служанка.

Вид у нее был такой шаловливый, а на губах играла такая очаровательная улыбка, что, стоя в дверях и наблюдая за ней, я не решался войти и нарушить ее грезы.

«Возможно, – думал я, – она сама утешает свою киску, и сейчас, наедине...» Но тут же отбросил эту мысль, поскольку нежное личико Люси и ее живые голубые глаза свидетельствовали о том, что это невозможно.

В это мгновение произошло нечто, наведшее меня на мысль о том, что Люси все же иногда утешает саму себя и уже готова к этому, потому что она засунула руку под платье и, задрав нижнюю юбку, принялась внимательно разглядывать нижнее белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.